

УДК 94(100)"1914/19

*Караман В.Н., Рыкунов Д.Э.
Karaman V.N., Rykunov D.Eh.*

Письма Первой мировой войны в газете «Дальний Восток»

Letters of the First World War in the newspaper "Far East"

Данная публикация представляет подборку писем фронтовиков-дальневосточников Первой мировой войны. Письма публиковались в газете «Дальний Восток» в 1914-15 гг.

Ключевые слова: *Первая мировая война, пропаганда, эпистолярное наследие*

This publication presents a selection of letters of the Far Eastern veterans of the First World War. Letters published in the newspaper "Far East" in 1914-15.

Key words: *The First World War, propaganda, epistolary heritage*

Письма – один из тех замечательных видов документов которые, как нельзя лучше отражают лицо эпохи. А фронтовые письма (даже с учётом воздействия военной цензуры) – это почти универсальная «лакомая бумажка» отношения к войне общества и «лучшего союзника стран» – её армии и флота. В этом номере нашего журнала, выходящем накануне столетней годовщины начала Первой мировой войны, вниманию читателей предлагается подборка писем дальневосточников-фронтовиков, написанных в конце 1914 – начале 1915 гг. и опубликованных в январе – марте 1915 г.

Осенью 1914 года редакция общественно-политической газеты «Дальний Восток», издававшейся во Владивостоке, обратилась к своим читателям с просьбой присылать письма или выдержки из писем «ввиду значительного общественного интереса таких документов». Из присланных писем, было отобрано несколько десятков, которые и были опубликованы на страницах газеты. Отбор писем был произведён весьма грамотно. Во-первых, в переписке были представлены разные социальные слои, от крестьян и казаков до дворян. Во-вторых, была сделана выборка представителей разных воинских профессий: помимо обычных стрелков (которых было большинство), были опубликованы письма кавалеристов, артиллеристов и даже лётчика.

КАРАМАН Вадим Николаевич, к.и.н., библиотекарь Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева (г. Владивосток). **E-mail:** karaman@mail.primorye.ru

РЫКУНОВ Дмитрий Эдуардович, старший научный сотрудник Приморского государственного объединённого музея имени В.К. Арсеньева (г. Владивосток). **E-mail:** dmrykunov@yandex.ru

Фото 1. Служащие торгового дома Чурин и Ко, призванные на мировую войну в 1915 г.

ПРИАМУРЦЫ НА ВОЙНѢ (Письма изъ арміи)

Пишу вамъ изъ госпиталя въ Варшавѣ, куда попалъ на излѣченіе нѣсколько дней тому назадъ. Дѣло въ томъ, что я получилъ сквозную рану въ колѣно. Пуля прошла такъ удачно, что не задѣла кость, но все же нѣкоторое время придется лежать, т. к. нога не сгибается. Обстоятельства, при которыхъ я былъ раненъ обыкновенны, и здѣсь не представляютъ изъ себя ничего изъ ряда вонъ выходящаго. Полкъ наступалъ, нѣмцы отступали. Я былъ съ 15 стрѣлками въ прикрытіи у пулемета.

Сначала все было благополучно, но часа черезъ 3 непріятельскій огонь усилился до такой степени, что буквально нельзя было повернуться, пришлось лечь и отстрѣливаться. Мнѣ нужно было осмотрѣть расположеніе прикрытія и только что я поднялся, какъ въ тотъ же моментъ полетѣлъ обратно съ прострѣленной ногой. (Тутъ я подошелъ къ точкѣ, которая вызвала это письмо). Въ тотъ моментъ, когда я упалъ, я отчетливо вспомнилъ сцену моего отъезда и вспомнилъ въ силу какихъ то необъяснимыхъ ассоціацій, что вы меня благословили. И въ тотъ моментъ, когда я упалъ, мнѣ казалось, что только ваше благословеніе защитило меня и я только раненъ, а не убитъ. Отчего, почему, зачѣмъ возникло во мнѣ это чувство — не знаю, но я дѣйствительно такъ чувствовалъ. Это мнѣ и хочется вамъ сообщить.

Шлю вамъ лучшія пожеланія. Недѣли черезъ двѣ поправлюсь и опять на позиціи.

А.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.¹

Приведенныя выдержки изъ писемъ представляютъ собою подлинныя матеріалы.

Принося благодарность лицамъ, доставившимъ эти письма, редакция проситъ лицъ, ведущихъ переписку съ дѣйствующей . . . ей² арміей, направлять получаемыя ими письма въ нашу редакцію, хотя бы въ выдержкахъ, въ виду значительнаго общественнаго интереса такихъ документовъ.

Письма по минованіи надобности будутъ возвращаться по указанному адресу.

Газета «Дальній Востокъ» 1 января 1915 гъ (№ 1)

* * *

Вотъ уже мѣсяць, какъ я нахожусь на войнѣ. Былъ нѣсколько разъ въ бояхъ, но слава Богу, остаюсь живъ. Наша кавалерія воюетъ гораздо лучше, чѣмъ нѣмецкая. Германцы сильно боятся казаковъ и мнѣ пришлось одинъ разъ съѣхаться съ германцами. Насъ было 13 человекъ, а ихъ полъэскадрона, приблизительно человекъ 50. Я сдѣлалъ на нихъ маленькую засаду и открылъ по нимъ стрѣльбу. Сразу поворотили назадъ и убѣжали. Оставили одну лошадь, одного убитого и двухъ раненыхъ. Я теперь за это получу георгіевскій крестъ 4-ой степени. Наше войско лучше ихняго, духъ бодрый, выглядываютъ молодцами. Мы много брали въ плѣнъ у нихъ, большею часть стариковъ и молодежь, даже

¹ Данная заметка «От редакции» публиковалась в каждом номере после писем

² Так в документе

попадаются 15 и 17 лѣтъ *и взяли одну женщину-кавалеристку*. Духъ въ германской арміи палъ. Досвиданія, будьте здоровы...

Вашъ племянникъ П.Ф.

Газета «Дальній Востокъ» 4 января 1915 г. (№ 3)

Здравствуйте, А.Л!, Хотя Висла находится еще въ 4-5 верстахъ въ сторонѣ отъ меня, но такъ какъ другой мѣстности притгмѣчательной нѣтъ, то я поставилъ дату «Р. Висла». Если вы посмотрите на карту сѣверо-западнаго фронта войны, то вы придете къ тому убѣжденію (разумѣется, сравнивая то мѣсто нашего расположенія, про которое я писалъ вамъ еще изъ С., съ этимъ), что мы отступили на нѣсколько верстъ; и это вѣрно, — мы отступили. Не такъ, какъ газеты обыкновенно пишутъ: по «стратегическимъ» соображеніямъ, а въ полномъ смыслѣ этого слова — по *стратегическимъ соображеніямъ*. Газетныя стратегическія соображенія едва ли можно писать безъ кавычекъ.

Итакъ, мы отступили потому, что цѣлый мѣсяцъ пришлось вести упорные бои и все на одномъ мѣстѣ. Я же шесть дней только пробылъ на старой позиціи. Нѣмцевъ невозможно было согнать съ превосходно занятыхъ ими позицій: начиная съ передовой линіи нѣмецкихъ окоповъ и кончая задними резервными частями, имъ открывался полный видъ на занятые нами позиціи. И вотъ вмѣстѣ съ этимъ скажу вамъ съ полной откровенностью, что наши потери были ничтожны сравнительно съ нѣмцами.

Много разъ наступали нѣмцы, пытаюсь насъ выжить съ занятыхъ позицій, но все было напрасно и теперь мы не потому отступили, что невозможно было больше держаться, а потому, что не хотѣлъ, очевидно, нашъ штабъ держать дѣло въ застоѣ. Достаточнымъ подтвержденіемъ этому можетъ служить то, что изъ всѣхъ отступавшихъ многихъ тысячъ войскъ, едва-ли было хотя бы три или четыре человекъ убито или ранено, тогда какъ обыкновенно при отступленіи приходится нести тяжелыя потери отступающей сторонѣ. Скажу вамъ прямо: нѣмцы не раньше, какъ часовъ черезъ пять или семь узнали о нашемъ отступленіи.

На нашемъ фронтѣ дѣйствуютъ силы нѣмцевъ, т.к. здѣсь сосредоточенъ главный центръ немецкихъ силъ, рвущихся на Варшаву.

Духъ русской арміи превосходный, по крайней вѣрѣ это мнѣ хорошо извѣстно про цѣлый нашъ корпусъ. Кормятъ превосходно.

Сегодня-же ночью наши перешли въ наступленіе, отгѣснивъ нѣмцевъ штыковымъ боемъ.

Служу теперь я добровольцемъ въ знаменитомъ полку, нѣсколько разъ уже отличавшемся въ этой войнѣ.

А.Г.

Газета «Дальній Востокъ» 4 января 1915 г. (№ 3)

Я сейчасъ нахожусь на печальномъ положеніи — тяжело раненъ въ правое плечо и руку. Раненъ подъ Лодзью. Въ лазаретѣ придется лежать, я думаю, не менѣ какъ полгода. Былъ во многихъ битвахъ, все оставался цѣлъ, но, наконецъ, очередь дошла и до меня и непріятельская пуля поразила меня тогда, когда я лежа прицѣливаясь, спустилъ курокъ и немного приподнявшись посмотрѣлъ, правильно ли прицѣлился. Въ это время мнѣ непріятельская пуля ударила въ верхнюю часть лопатки и

прошла вдоль руки, сломала кость и наконец вырвала большой кусок мяса. Сейчас лѣчатъ рану, а потомъ будутъ сращивать кость.

Милые родители! Не дай Богъ, что здѣсь дѣлается... Настоящій адъ...

Я самъ, когда меня ранили, сгоряча вскочилъ и пробѣжалъ шаговъ 10, потомъ упалъ, уткнувшись лицомъ въ снѣгъ. Прележавъ нѣкоторое время безъ памяти, я поднялся и побрелъ въ ближайшій окопъ, запинаясь за мертвыхъ и раненыхъ, которые не могутъ двигаться съ мѣста. Рота ушла впередъ, былъ страшный артиллерійскій и ружейный огонь, пули летятъ какъ дождь, добивая раненыхъ. Я дождался ночи и пошелъ въ деревню, надѣясь тамъ найти фельдшера. До деревни было версты три (деревня нѣмецкая). Пока пришелъ много крови вытекло изъ меня. Здѣсь мнѣ распоролли мундиръ, рубашку и перевязали раны. Скоро меня увезутъ въ Москву.

Ш.

Газета «Дальний Востокъ» 6 января 1915 г. (№ 5)

* * *

Здравствуй дорогой мой хозяинъ. Сильно я обрадовался, когда получилъ отъ васъ письмо, что вы меня не забыли и вспомнили обо мнѣ. Я никогда не думалъ, что мнѣ – сиротѣ получить отъ кого-то письмо, а тутъ вдругъ получаю отъ васъ, да еще съ деньгами 3 рубля, чему я такъ обрадовался и не нахожу словъ, какъ благодарить васъ. Если Богъ дастъ какъ вернусь, тогда отслужу вамъ за ваше неоцѣненное добро. Дай Богъ вамъ великаго счастья и добраго здоровья. Одно мое несчастье, что я неграмотный и не могу писать, а то-бы я вамъ написалъ, а то приходится просить людей, да и некогда имъ. Это пишетъ дяденька унтеръ-офицеръ А. Осиповъ. Онъ тоже знаетъ васъ.

Мы третій день отдыхаемъ въ немецкихъ окопахъ, выбили ихъ изъ этихъ окоповъ штыками. Три дня не деремся и надоѣло – охота драться. Я сейчасъ привыкъ, ничуть не страшно и не боязно. Много разъ моя жизнь висѣла на волоскѣ, но Богъ миловалъ. Не только меня но и многихъ, Богъ спасаетъ чудомъ. У рѣдкаго солдата не прострѣлены шапки и шинельки. У меня въ шинелькѣ штукъ пять дыръ, и въ шапкѣ двѣ и нѣсколько царапинъ пулями по тѣлу, одна по щекѣ оцарапала. Пули летятъ, какъ градъ. У насъ ихъ не боятся, не страшно. Многихъ ранятъ пулями, онъ и вниманія не обращаетъ и продолжаетъ наступать. Всѣмъ охота добратся до штыковъ. Какъ въ штыки – нѣмцы другіе, отъ страху падаютъ и бѣгутъ куда попало. Тогда мы надъ ними злобу вымещаемъ. Послѣ штыкового боя сколько удовольствія, сколько разговора и смѣха – цѣлое торжество. А у насъ такіе ловкіе и сильные: **въ одного нѣмца штыкъ запустить, другому по уху кулакомъ**, онъ и летитъ и от кулака. Это они сильно не любятъ, что кулакомъ бьютъ по мордѣ и говорятъ: «Это не законъ!». Я одного нѣмца закололъ и спасъ товарища. Нашъ какъ-то упалъ, а нѣмецъ его прикололъ къ землѣ скользомъ по боку; штыкъ прошелъ шинельку, онъ его и держитъ штыкомъ къ землѣ. Нашему нельзя встать, а нѣмецъ подловчивается добить его выстрѣломъ. Я его сзади какъ пырнулъ въ спину онъ и заоралъ лихоматомъ. Тогда товарищъ вырвался и тутъ его еще по головѣ прикладомъ, онъ и полетѣлъ. Наши офицеры съ нами обходятся хорошо, какъ со своими товарищами шутятъ. На войнѣ сильно весело жить. Другой разъ приходится по 2 дня не ѣсть и не спать и не охота даже, а охота скорѣе разбить нѣмцевъ – тогда и отдыхъ. Нѣмцевъ сильно много падаетъ, когда въ атаку лѣзутъ и какъ мураши раздавленные валяются по полю. Ихніе только сильно

рвутся «чемоданы» – это большія бомбы у насъ называютъ чемоданъ. Одинъ разъ мы сидѣли подь бугромъ втроемъ, а на бугрѣ какъ дастъ этотъ чемоданъ, насъ какъ и не было. Одного товарища отбросило землей, а насъ двоихъ завалило въ аршинъ землей. Тотъ насъ откопалъ и вытащилъ изъ земли и всѣ трое остались невредимые, здоровые, немножко царапины были. Много такихъ чудесныхъ спасеній бываетъ, всего не опишешь. Горя и смѣху много над нѣмцами. Богъ дастъ, если вернусь, будетъ что рассказать.

Пока остаюсь живъ и здоровъ, еще васъ благодарю, что меня хоть вы не забыли.

П.Ж.

Газета «Дальний Востокъ» 8 января 1915 гъ (№ 6)

Многоуважаемый Г.Е.! Увѣдомляю я Васъ, что нахожусь на самой границѣ, на станціи Вержболово; мы возимъ со станціи Вержболово почту и посылки въ мѣстечко въ 2-хъ верстахъ отъ Эйдкуненъ въ почтовую контору два раза въ день. Это наша служба, стоимъ мы при станціи Вержболово, въ которой половина зданій нашихъ уцѣлѣли отъ Германскаго нашествія, въ которыхъ живутъ наши обозы. У насъ квартира обставлена очень хорошо германской мебелью, которая нами привезена съ германской территоріи. Конечно, жители Германіи ушли въ глубь страны. У каждого солдата хорошая дубовая кровать и мягкая мебель, столы и гардеробы, но только у насъ еще не хватаетъ піанино или рояли, а у нѣкоторыхъ командъ, есть эта музыка и солдаты на нихъ играютъ; кто какъ умѣетъ. Словомъ, на станціи Вержболово и городѣ Столупененѣ солдаты живутъ въ квартирномъ отношеніи по губернаторски. Конечно, гдѣ наши забрали германскую территорію, то всѣ жители ушли и все оставили. Много очень взято у германцевъ хорошаго породистаго голландскаго скота; коровъ, быковъ, свиней и овецъ, а у крестьянъ остался немолоченный хлѣбъ, картошки сколько хошь, бураковъ тоже и корму очень много. Сѣна, овса и хлѣба – во всемъ, въ этомъ есть избытокъ. Мы ѣздили въ Столупененъ три раза за фуражомъ. Крестьяне у нихъ живутъ хуторами, живутъ образцово. Въ домѣ полно мебели мягкой, а во дворѣ всѣ земледѣльческія орудія и много хлѣба. Но всѣ ушли и дома ихніе стоятъ цѣлы, машины перебиты и переломаны.

Орудійную стрѣльбу слышно каждый день. Два раза (27 и 30/XII) прилеталъ къ намъ аэропланъ. Мы оба раза по нему стрѣляли, но онъ высоко леталъ.

Наши имѣютъ хорошіе окопы. Въ настоящее время съ передовой позиціи пріѣзжаютъ за газетами и покупками. На нашемъ фронтѣ вообще дѣла очень хорошо идутъ, впередъ, все впередъ; но главное всего много, какъ фуража, такъ для солдатъ сѣстныхъ припасовъ.

Съ почтеніемъ къ вамъ Н.А.

Газета «Дальний Востокъ» 10 января 1915 г. (№ 8)

Дорогая Т.

Отъ тебя получилъ до сихъ поръ 4 письма и телеграмму отъ 28 окт. Живется мнѣ какъ въ походѣ: то сидимъ на мѣстѣ, то передвигаемся дальше. Въ городахъ живу у мѣстныхъ обывателей въ хорошихъ квартирахъ,

но холодныхъ, въ деревняхъ – гдѣ-нибудь въ крестьянскихъ избушкахъ. Довольствіе получаю изъ солдатскаго котла. Гдѣ можно картофель купить тамъ питаюсь картофелемъ и мясомъ, когда есть. Хлѣбъ получаю черный солдатскій и сухари. Въ булочныхъ сначала хлѣбъ можно было достать, но въ послѣднее время въ пекарняхъ пекутъ хлѣбъ только для солдатъ и хлѣба купить негдѣ. Колбасу тоже рѣдко можно купить. Все скоро расхватываютъ. Сахара нѣтъ. Вообще, продовольственный вопросъ, скверный вопросъ. Солдатъ, конечно, стараются снабжать хлѣбомъ и мясомъ. У меня шуба, теплая рубаха, бурковые сапоги, такъ что нехолодно. На меня налѣтель сзади на дорогѣ автомобиль и искалѣчилъ мою лошадь, такъ что пришлось тутъ же застрѣлить. Лошадь испугалась шума автомобиля и попятилась назадъ, на середину дороги. Самъ уцѣлѣлъ по счастливой случайности. Вѣроятно мнѣ выдадутъ пособіе на покупку другой лошади. Пока пользуюсь казенной лошадыю.

Послѣднее время происходятъ частые бои. Нашъ корпусъ [в]ездѣ гонить нѣмцевъ. При переѣдѣ по дорогѣ я видалъ очень много убитыхъ лошадей, мѣстами такъ и лежать вдоль дороги въ одинъ рядъ. Въ полѣ, куда не взглянешь вездѣ чернѣютъ убитые лошади и люди. Видалъ мѣстами много убитыхъ нѣмцевъ: такъ и лежатъ полный дворъ, словно усѣянный. Попадались среди нихъ и наши солдаты. Въ одномъ мѣстѣ виделъ 12 казаковъ и офицера, которые были убиты нѣмцами ночью, когда въ деревнѣ спали. Со всѣхъ сапоги сняты и карманы выворочены. По дорогѣ видалъ массу нѣмецкихъ зарядныхъ ящичковъ и поломанныхъ повозокъ, массу поломанныхъ ружей, касокъ, снарядовъ и всякой всячины. Видѣлъ въ одномъ селѣ разбитый германскими снарядами польскій костель. Вездѣ сгорѣвшие дома, а около нихъ валяются трупы убитыхъ. Въ деревнѣ люди попадаютъ и многіе плачутъ, что нѣмцы у нихъ все отобрали и оставили голодными. Города, какъ видно, обстрѣливаются мало. Иногда выдать много плѣнныхъ нѣмцевъ. Попадаютъ и немецкіе тяжелыя орудія. Погода все время стояла прекрасная¹, дождь, грязь и иногда солнца не видно. Живешь какъ въ бочкѣ. Сейчасъ выпало немного снѣгу.

В.

Газета «Дальній Востокъ» 14 января 1915 г. (№ 12)

* * *

9 декабря 1914 г.

Многоуважаемый И.В.!

Вотъ уже второй мѣсяцъ находимся на войнѣ, а пока еще въ дивизионѣ благополучно. Почти все время участвуемъ въ бояхъ и только два раза за все время попали на отдыхъ въ резервъ на пять дней. Послѣднее письмо послалъ вамъ изъ Плоцка, 4-го ноября, но не знаю, получили ли вы его, такъ какъ дня черезъ два послѣ нашего ухода, городъ заняли нѣмцы. Съ того времени и по сей день дошли мы до рѣки Бзуры, продвигаясь то впередъ, то назадъ.

Съ нами теперь работаетъ наша дивизія, которая проявляетъ чудеса храбрости. Нѣтъ только съ нами бригады, она гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ. Пока что – отходимъ шагъ за шагомъ, но чего это стоитъ нѣмцамъ – выразить трудно. Общаго положенія дѣль, выяснить сидя здѣсь, нельзя, но мнѣ кажется, что нѣмцы, благодаря нашей тактикѣ такъ сильно теряютъ, что очень скоро ослабѣютъ. Я время нахожусь на позиціяхъ и нѣсколько разъ былъ подъ сильнымъ обстрѣломъ. За бои подъ Ловичемъ, 22 и 23 ноября, когда пришлось работать на батарее, представленъ къ

¹ Так в документе

награды. Но скажу откровенно, было жутковато, когда 15 сент. бомбы рвались на батарею и насъ сидящихъ въ окопахъ, засыпало землей.

Обыкновенно бой начинается въ восемь час. утра и доходитъ до высшего напряженія часамъ къ 4 – 5 дня, а затѣмъ затихаетъ. Вечеромъ, въ 8 часовъ нѣмцы начинаютъ снова и, пострѣлявши съ часъ или два, снова смолкаютъ, а ночью ходятъ въ атаку. Дневные бои не оставляютъ такого сильного впечатлѣнія, какъ ночные. Нѣмцы сначала поджигаютъ рядами деревню впереди или около нашихъ окоповъ и затѣмъ уже идутъ въ атаку. Подымается настоящій адъ. Получается такое впечатлѣніе, какъ будто въ огромномъ котлѣ кипитъ вода: – это отъ пулеметнаго и ружейнаго огня. Шрапнели и бомбы рвутся съ визгомъ и ревомъ. Каждый моментъ имѣешь возможность быть убитымъ или раненымъ, но объ этомъ какъ-то не думаешь.

Сейчасъ нѣмцы прутъ на насъ, какъ сумасшедшіе. У плѣннаго офицера нашли приказъ, который гласитъ, что они должны во что бы ни стало, сбить насъ и занять позиціи на Бзурѣ завтра, 10 декабря. Противъ насъ сейчасъ работаетъ ихъ гвардейскій корпусъ. Народъ рослый, бра- вый и замѣчательно чисто одѣтый. Пленные говорятъ, что ихъ перевели сюда съ западнаго фронта, гдѣ воевать очень легко и гдѣ они отдыхали, а здѣсь, у насъ, имъ очень трудно. Очень характерно выразился одинъ плѣнный нѣмецъ про своихъ союзниковъ : « У насъ, говорить, союзники такая сволочь, какъ австрійцы»...

Я чувствую сильную усталость, такъ какъ постоянное недоѣданіе и недосыпаніе даютъ себя знать. Спать приходится кое-гдѣ и кое-какъ, на солому, не раздѣваясь, изрѣдка только удается разуться. Иногда по три-четыре дня не приходится мыться, а о банѣ можно только мечтать. Почти у всѣхъ насъ комья, да и немудрено, когда постоянно находишься въ грязи. Погода здѣсь стоитъ отвратительная, грязь непролазная, дождь или снѣгъ, который сейчасъ же таетъ. У насъ всѣ цѣлы.

Уважающій васъ **И.И. П – вѣ.**

Газета «Дальній Востокъ» 16 января 1915 г. (№ 14)

... Мнѣ Богъ привелъ отличиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ и уже представленъ ко всѣмъ 4-мъ георгиевскимъ крестамъ.

Честъ имѣю сообщить вамъ свои подвиги, пришлось мнѣ совершать. Первый подвигъ я совершилъ, вынесъ изъ горящаго дома телефонный полевой аппаратъ со всѣми принадлежностями и проводами. Непрiятельскій снарядъ попалъ въ домъ, гдѣ помѣщался штабъ и другой телефонистъ, который находился со мной, испугался и убѣжалъ но я даже не растерялся. За это я представленъ къ георгиевскому кресту 4-ой ст.

Въ другой разъ я связалъ телефонный проводъ подъ сильнымъ непрiятельскимъ огнемъ во многихъ мѣстахъ, чѣмъ соединилъ связь батальона со штабомъ полка и за это былъ представленъ ко второму кресту – 3-ст.

Третій разъ я спасъ свой пулеметъ – увелъ его изъ подъ сильнымъ артиллерійскаго непрiятельскаго огня. Снарядомъ была выбита вся прислуга при пулеметѣ и никто не рѣшился спасти его но мнѣ Богъ далъ смѣлость и я рѣшился на вѣрную смерть. Недойдя шаговъ 50 до пулемета, шагахъ въ пяти отъ меня разорвался снарядъ и даже воздухомъ сбиль меня съ ногъ. Но меня даже не ранило и я былъ представленъ къ 3-му кресту – 2 степ.

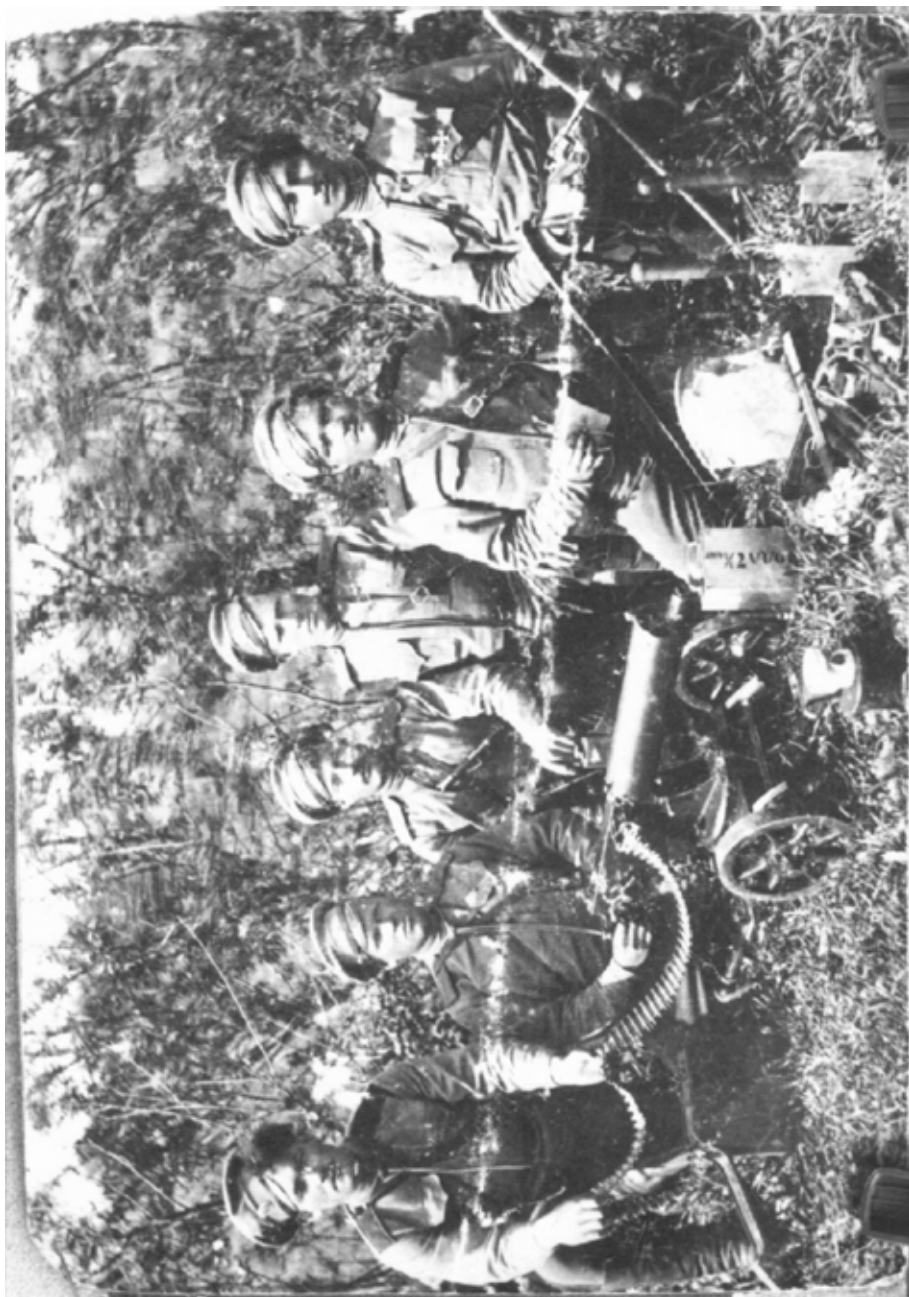

Фото 3. Пулеметная команда 1-го Уссурийского казачьего полка под командованием урядника Алексея Агланова. 1916 г.

Въ четвертый разъ я былъ посланъ отъ батальоннаго командира съ важнымъ донесеніемъ къ командиру полка. Но пробѣжавъ шаговъ 15 былъ раненъ въ голову, но очень легко. Хотя пуля пробила насквозь папаху и только оцарапала кожу не задѣвъ черепа и когда мнѣ сдѣлали перевязку въ окопѣ, съ наступленіемъ темноты принесъ важное донесеніе командиру полка и раненый остался опять въ строю и за этотъ подвижъ былъ представленъ къ 4-му кресту 1-ой степени и командиръ произвелъ меня въ старшіе унтеръ-офицеры и наградилъ меня серебряной медалью съ надписью: «За храбрость.»

Г. С.

Газета «Дальній Востокъ» 31 января 1915 г. (№ 29)

Уважаемые К.В. и Н.И. шлю Вамъ свой привѣтъ. Я вамъ изъ В. телеграфировалъ, что насъ посылали на Германскую границу. Мы доѣхали до позицій, но тамъ оказалось войска достаточно, да и горъ тамъ нѣтъ, вотъ насъ и послали теперь на австрійскую границу въ Л., куда и прибудемъ 14-го. Вы навѣрное читали въ газетѣ, что нѣмцы бросили бомбу въ г. Варшаву. Этотъ самый аэропланъ германскій летѣлъ надъ нашимъ поѣздомъ, но къ намъ подошелъ поѣздъ съ ранеными и «Красный Крестъ» спасъ часть нашего поѣзда, ибо онъ (аэропланъ) былъ близко отъ насъ. Мы скоро приготовились къ надлежащей встрѣчѣ: выбѣжали съ оружіемъ. Онъ это замѣтилъ, это было въ 11 часовъ утра, потомъ онъ полетѣлъ на Варшаву и въ 12 ½ ч. бросилъ тамъ бомбу. Мы теперь изъ С. какъ я Вамъ уже говорилъ отправлены въ Л., взятый у Австрійцевъ... Бои идутъ безпрерывно, по всему фронту и частично. Адъ настоящій. Хотя мы были ночью на С-ѣ и Л-ѣ тамъ, несмотря на темноту бой продолжался. Наша дивизія пока не принимала участіе въ этомъ дѣлѣ. Описать и передать трудно, да и врядъ ли кто сумѣетъ, если самъ не побываетъ здѣсь и не испытаетъ всего, хотя присутствіемъ своимъ. Когда садишься писать письмо, думаешь много, много надо передать въ письмѣ. Когда же начинаешь писать, какъ-то само по себѣ расходится и пишешь, что остается отъ фильтра мыслей. Вотъ ровно 35 дней сидимъ въ вагонахъ. Я, какъ вамъ и писалъ назначенъ фельдфебелемъ и дѣла, что называется, по горло – то выводи лошадей, то получай фуражъ и провіантъ, то другіе хозяйственныя дѣла. Время прямо ни минуты, спать приходится обувшись, но ничего чувствую себя хорошо. Русскій солдатъ и останется такимъ, какимъ былъ всегда. Идутъ раненые, усталые, а пѣсни, пляски не прекращаются.

Пока досвиданія. **И.Т.**

Газета «Дальній Востокъ» 12 февраля 1915 г. (№ 39)

Привѣтъ вамъ, уважаемые К.В. и Н.В.! Вотъ пишу вамъ съ завоеванной территоріи. Мы доѣхали по желѣзной дорогѣ до пограничной станціи, а отъ туда походомъ на Л., шли 5 дней, деревни частыя, много населенныя, постройки хорошія, населены все русинами и поляками, отношеніе къ намъ очень хорошее. Въ Л. стоимъ въ австрійскихъ уланскихъ казармахъ, ибо Л. сохранился, пострадали только пригородн. поселки, гдѣ были бои. Сколько кургановъ насыпано надъ убитыми, нашими и австрійскими! Наши маленькіе курганы, а австрійскіе громадныя,

точно горы. Мы выступаемъ 22-го въ Карпатскія горы, но въ виду того, что Карпаты очищены отъ австрійскихъ войскъ, идемъ въ Тилійскія долины къ Венгріи. Нашъ дивизионъ прикомандированъ къ кон. казачьей дивизіи, которая состоитъ изъ кавказцевъ: чеченцевъ, осетинъ и дагестанцевъ. Вы не смущайтесь, если отъ меня не будетъ долго письма, ибо уйдемъ какъ партизаны впередъ и можетъ быть не будетъ возможности сдать письмо. Такую массу берутъ въ плѣнъ австрійцевъ, что заполнены всѣ села и деревни. Плѣнныхъ русинъ и поляковъ отпускаютъ по домамъ, ибо Галиція вся за нами. Только плѣнные должны въ недѣлю разъ явиться къ нашему командиру, а изъ К. и П. плѣнныхъ совсѣмъ не берутъ, какъ только сдадутся, берутъ ихъ оружіе и снаряженіе и отправляютъ снова въ крѣпость дождать хлѣбъ; это фактъ. Ой-ой! какое плачевное состояніе австрійцевъ. Морозъ въ 12⁰ на нихъ такъ дѣйствуетъ, что много померло. Ну уважаемый К.В. пока до свиданія. Пишите мнѣ что-нибудь.

И.Т.

Газета «Дальній Востокъ» 13 февраля 1915 гъ (№ 40)

* * *

Письмо милымъ и дорогимъ моимъ любезнымъ Катѣ и Пей.

Первымъ долгомъ моего письма спѣшу послать вамъ свое нижайшее почтеніе и низкій поклонъ и съ любовью низко кланяюсь и цѣлую васъ мои и крѣпко прижимаю къ своей груди и желаю вамъ счастья и всякаго благополучія и счастливаго успѣха въ дѣлахъ рукъ вашихъ и отъ Господа Бога добраго здоровья. Затѣмъ увѣдомляю я васъ, что мы были музыкантами только дорогой а здѣсь насъ разбили по батареямъ. Я попалъ въ первую батарею, около пушекъ нахожусь. И вотъ попали мы на позицію. Вступили мы въ бой, забылъ котораго числа декабря мѣсяца. Да и гдѣ здѣсь запомнишь, некогда помнить. Былъ в бою двадцать дней. День и ночь непрерывно шелъ бой. Подъ градомъ непріятельскихъ снарядовъ и ружейныхъ пуль, переносили холодъ и голодъ. Въ окопахъ вода, ночью сидишь только на корточкахъ, да и то некогда, потому что надо пушки заряжать и стрѣлять. А снаряды враговъ все летятъ и рвутся то впереди, то позади, то надъ нашими головами вверху. То приходится скорѣе бѣгомъ переѣзжать съ одной горы на другую и снова копать окопы и стрѣлять, а тутъ горе еще новое, что день и ночь льетъ непрерывно идетъ дождь. Кругомъ вода и грязь. Ъсть приходилось только одни сухари, да воду, да и тѣхъ еще нѣтъ. По три-четыре дня приходилось совершенно голодомъ быть не ѣвши, потому что провизія находится отъ насъ верстъ за двадцать въ обозѣ. Жди когда подвезутъ и вотъ въ ночь на самое Рождество Христова бились мы съ врагомъ, наступали на городъ Краковъ въ Австріи (она же называется Долмація). Поднялись на одну изъ высокыхъ горъ, окопались и стали стрѣлять, а непріятель стрѣляетъ изъ пушекъ и ружей и вотъ вдругъ что-то страшно сильно свистнуло и пролетѣло надъ моей головой. Только помню былъ одинъ моментъ, меня ударило сильно по головѣ. Не помню, что со мной было. Очнулся я уже лежу подъ горой. Отъ моего мѣста, гдѣ былъ бой, саженой за десять. Оказывается надъ моей головой лопнулъ пушечный снарядъ и меня бросило воздухомъ подъ гору. Тутъ я и опомнился, схватился я руками за голову, смотрю шапки у меня нѣтъ, сорвало съ моей головы и разорвало на мелкіе клочки. Показалась во рту и въ ушахъ кровь. Я долго пролежалъ тутъ покудова пришли санитары и унесли меня въ лазаретную линейку.

Я день и ночь думаю о васъ, милые мои! Богъ дастъ скоро увидимся. Послѣднее время я часто по ночамъ сталъ видѣть васъ во снѣ. Богъ дастъ поправлюсь, будетъ миръ и увидимся. Теперь нѣсколько словъ возьму съ войны. Напримѣръ, тянется грязная и ухабистая дорога по высокимъ Карпатскимъ горамъ и непрогляднымъ громаднымъ и темнымъ лѣсамъ, то по глубокимъ ущельямъ и глубокимъ оврагамъ, то мысамъ и голымъ горамъ. Дорога всюду идетъ извилистая. Теперь возьму изъ нашей солдатской военной жизни. И вотъ по этой то дорогѣ, гдѣ утопаютъ по колѣно въ грязи солдаты и лошади съ трудомъ вытягивая ноги идетъ много частей войска и наша часть идетъ и я иду съ ними. Слышенъ стукъ орудія другъ о друга. Слышенъ лясканіе шашекъ артиллерійскихъ солдатъ. Слышно какъ шлепаютъ солдаты ногами и слышно какъ разговариваютъ солдаты между собой. Привала что то долго нѣтъ, и вотъ я надумалъ отдохнуть. Перелѣзъ черезъ глубокую канаву, которая тянется по обѣимъ сторонамъ, присѣлъ на упавшее дерево. А войско все идетъ, а я задумался объ Катѣ и Пей и думаю какъ онѣ милыя мои теперь поживаютъ. И вдругъ вижу, птичка выпорхнула изъ густого лѣса, а за ней другая, третья, и еще и еще. Собралось ихъ много, я и думаю: «Зачѣмъ вы птички здѣсь живете! Васъ могутъ здѣсь убить. Вотъ полетятъ пули градомъ и васъ всѣхъ убьютъ». А войско идетъ, и думаю я: «И мнѣ тоже надо итти». Боюсь, какъ бы не отстать. Всталъ и отправился догонять свою часть.

Я писалъ вамъ много писемъ, но не знаю получили ли вы ихъ. Писалъ всю дорогу и походахъ писалъ и въ бою писалъ два письма. Прошли мы всю Австрію взадъ и впередъ. Прошли болѣе 20-ти австрійскихъ городовъ.

Газета «Дальній Востокъ» 15 февраля 1915 г. (№ 42)

Дорогой другъ Н.И!

3 дня шли и до того устали, что невозможно было итти, такъ страшно болѣли ноги. 19 утромъ получили приказъ наступать, и представь, ни одинъ парадъ не бываетъ такой красивый и такой спокойный, какъ было это наступленіе. Просто чудо, а не картина! Площадь ровная подъ озимымъ посѣвомъ видна на нѣсколько верстъ кругомъ. Двинулись въ бой стройными рядами, взводъ за взводомъ на разстояніи 80 шаговъ. И никакого страха, никакого упадка духа. Только нѣкоторые молодые солдаты сперва падали когда пролетали пули или снаряды. Такъ мы шли долго подъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ, но потерь не несли, повидимому, германцы стрѣляютъ очень плохо. Если бы они такъ наступали на насъ то я увѣренъ, что ихъ не осталось бы ни одного. Снаряды ихъ рвались надъ нашими головами, производя ужасающій свистъ и ревъ просто до невозможности, а тѣ, что падали, никого не убивали. Такъ мы ихъ выбили изъ 2-хъ деревень. Одна горѣла, не знаю подожгли ли ее нѣмцы или наши снаряды, въ ней я не былъ, а во второй нашли 3-хъ нѣмцевъ – 2-хъ раненныхъ и одного здороваго, который поднялъ руки, въ одной держитъ фляжку и кричитъ «вудка». Мы ни его, ни водки не тронули. Мы пошли на 3-ю деревню. Залегли шагахъ въ 500 за переваломъ и ждали пока наша артиллерія начнетъ ее обстрѣливать или же пока стемнѣетъ. Но вмѣсто этого немецкая артиллерія открыла обстрѣлъ по насъ, и навела такой ужасъ, что описать невозможно. Первые снаряды разорвались шагахъ въ 10-ти съ такимъ трескомъ, что я сразу оглохъ, сталъ какъ пень. И солдаты должны были вернуться въ деревню, изъ которой раньше выбили нѣмцевъ, остался я только одинъ, т.к. мнѣ очень

не хотѣлось быть раненымъ или ибитымъ¹ сзади, и я зналъ, что наши скоро придутъ обратно, а позиція была хороша, за высокой межей. Въ это время нѣмцы вошли въ деревню и такъ хорошо было въ нихъ стрѣлять, что не хотѣлось бросить, и рѣшилъ разстрѣл. всѣ патроны и если наши не придутъ, то уйти. Вдругъ нѣмцы открыли такой сильный огонь, котораго день не было, и изъ ружей и изъ пулеметовъ и изъ орудій, только въ ухахъ звенить и что то трясется, даже гудить, реветъ, свистить и не разберешь, что дѣлается! Я сперва было струсилъ, хотѣлъ бѣжать, но скоро успокоился, рѣшилъ, что въ меня одного не станутъ стрѣлять изъ орудій, да и не видно меня, не нападутъ. И сталъ я опять стрѣлять. Вдругъ меня всего будто дернуло, въ тотъ моментъ, когда я хотѣлъ курокъ спустить. Я думалъ, что кто-то есть, нѣтъ ничего не дималъ², а просто оглянулся, никого нѣтъ, и ружья нѣтъ. Все это случилось въ одинъ мигъ и какъ я лежалъ на локтяхъ, такъ и остался лежать, но только безъ ружья, да указательный палецъ виситъ на нижней кожѣ, около кисти. Я сильно испугался, заметался какъ мышь въ мышеловкѣ и сейчасъ нахожусь въ Варшавѣ до прибытія поѣзда.

К.

Газета «Дальній Востокъ» 18 февраля 1915 г. (№ 45)

* * *

Здравія желаю ваше превосходительство! Поздравляю васъ съ Новымъ годомъ и желаю вамъ дальнѣйшаго процвѣтанія, и посылаю вамъ свое почтеніе и чистосердечный поклонъ, еще увѣдомляю васъ, что я Петръ Кашуба нахожусь по милости Божьей кое какъ, слава Богу, живъ и здоровъ, чего и Вамъ желаю, отъ Всевышняго Творца всѣхъ благъ. Пишу вамъ свои новости, т.е про дѣйствія, военныя, стоимъ въ одномъ положеніи полтора мѣсяца на юго-западномъ фронтѣ: бои идутъ, но ни онъ ни мы не наступаемъ. На Варшаву обратно наступаетъ, но онъ наступаетъ безъ пользы, только кладетъ силы, а у насъ побѣды блестящія, все-таки въ далекомъ будущемъ придемъ въ Берлинъ, хотя это и протянется, но ничего, только бы придти въ Берлинъ. Краковъ забрали въ первыхъ числахъ января. Отъ Коли еще получилъ письмо, съ нетерпѣніемъ ожидаю ихъ карточки. Ваше превосходительство, почта у насъ плохая: дожди идутъ каждый день. Зимы совсѣмъ нѣтъ, страшное испареніе. Больше новостей нѣтъ. Остаюсь многоуважаемый васъ Вашъ стр. П. Кашуба.

* * *

Мѣсто отправленія секретъ. Что дѣлаемъ – секретъ, куда идемъ – секретъ, все – секретъ. Вотъ дорогой К. и напиши письмо при такихъ условіяхъ. Нужно обладать пылкой фантазіей корреспондента, сочиняющаго записки очевидца изъ редакціонной комнаты и бойкостью и развязностью Немировича-Данченко³, чтобы изъ пустого факта расписать статью на нѣсколько столбцовъ. Съ другой стороны недостатокъ наблюдательности тоже не даетъ пищу для письма: гдѣ другой подмѣтитъ

¹ Так в документе

² Так в документе

³ Имеется ввиду Василий Иванович Немирович-Данченко (25 декабря 1844 (6 января 1845), Тифлис – 18 сентября 1936, Прага) – русский писатель, путешественник и журналист, старший брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко.

каждый штрихъ, каждую мелочь, тутъ не замѣчаешь слона. Погода здѣсь стоитъ отвратительная: въ первый день праздника было морозно 3-4⁰, можно было проѣхать на саняхъ; на второй день пошелъ дождь съ вѣтромъ, развело грязь – не приведи Господь, окопы залило водой и вотъ въ такомъ положеніи нашимъ защитникамъ приходится проводить цѣлыя сутки. Хорошо еще что налажено дѣло снабженія арміи всѣмъ необходимымъ, помимо того сейчасъ шлютъ много пожертвованій и теплыми вещами и бѣльемъ. Нужно сказать, что иногда шлютъ не то, что нужно. Солдаты имѣютъ табаку 1 ½ ф. въ мѣсяць, 12 золот. въ день, кромѣ прочаго продовольствія по положенію выдается еще 25 золотниковъ сала свиного въ день на человѣка. Сейчасъ при холодахъ, сало незамѣнимая вещь, необходимость является въ бѣлье, т.к. стирать приходится крайне рѣдко. Не вредно посылать солдату бумаги, конверты, карандаши, книжки, иголки; мелочь а достать дорого. Офицеры обезпечены хорошо и для нихъ подарки имѣютъ скорѣе моральное, чѣмъ матеріальное значеніе; по пословицѣ: не дорогъ подарокъ – дорога любовь. Завтра это письмо пойдетъ черезъ всю матушку Россію, когда-то оно придетъ.

Твой Я.

Газета «Дальній Востокъ» 19 февраля 1915 г. (№ 46)

Дорогой о.Василій, вчера получилъ Ваше письмо, шедшее до меня ровно мѣсяць, но и это слава Богу, все-таки довольно скоро, такъ какъ и представить себѣ нельзя до чего масса писемъ получается въ полковое почтовое отдѣленіе и хотя ругаешься, что плохо доставляютъ письма, но винить нельзя, а потому волей-неволей подчиняешься обстоятельствамъ. Пишите чаще, вы не можете себѣ представить какую отраду они представляютъ. На меня, если даже я и буду нѣсколько неаккуратенъ, не обращайтесь вниманія, т.к. часто бываешь въ такихъ обстоятельствахъ, обстановкѣ или же съ такимъ настроеніемъ, что совсѣмъ не до писемъ.

Вчера я, напимѣрь, обошелъ позиціи, гдѣ передъ этимъ былъ бой, Боже мой, что за картина! Трупы нѣмцевъ, частью закопанные тутъ же въ окопахъ, гдѣ нашли свою преждевременную смерть (благодаря этому негодяю Вильгельму), частью еще не зарытые. Масса патроновъ, всевозможнаго снаряженія, касокъ (иныхъ съ запекшейся кровью), наконецъ осколковъ снарядовъ и всего, что тутъ ихъ косило. На нашей сторонѣ все это не такъ.

Полки наши, особенно наши, дерутся такъ, что вызываютъ восхищеніе даже въ російскихъ полкахъ. Вотъ уже третій (хотя совсѣмъ и неоконченный) бой, а стрѣлочки наши не знаютъ, какъ это отступать или очищать позицію. Прямо богатыри.

... Въ городахъ, освобожденныхъ отъ нѣмцевъ, насъ встрѣчали удивительно хорошо и сердечно. Улицы разукрашены флагами, полны народомъ. Поляки наперерывъ предлагали свое гостепримство. Мнѣ не пришлось воспользоваться имъ т.к. въ городахъ останавливаются обыкновенно больные и штабы. Только разъ я спалъ, яко панъ. Мы заняли брошенный помѣщичий дом. Помѣщикъ, какъ говорили, нѣмецъ и удраля и вотъ въ его то апартаментахъ расположился штабъ дивизіи, гдѣ былъ и я ...

Уважающій и любящій васъ

Г.А.

Газета «Дальній Востокъ» 24 февраля 1915 гъ (№ 51)

* * *

Его высокоблагородію штабсь-капитану Арцыбашеву отъ извѣстнаго бывшаго старшаго фейерверкера Гонтаря изъ дѣйствующей арміи. Имѣю честь поздравить васъ в. в.-б. съ наступающимъ Новымъ годомъ, а также съ наступающей масленицей. Ваше высокоблагородіе, я теперь на войнѣ дерусь съ немчурами, а также проклятые нѣмцы, что все время съ 5 ноября начали мы драться и до сихъ поръ непрерывно деремса. Ваше выс.-благор., я былъ раненъ 16 ноября подъ городомъ Лодзь въ ногу, но сейчасъ отправляюсь обратно въ дѣйствующую армію. Ваше выс.-благор., я былъ въ мирное время электротехникомъ, а теперь авіаторомъ, числюсь въ отрядѣ механикомъ, получаю 30 рублей въ мѣсяць. Такъ, что приходилось летать 4 раза. 3 раза было благополучно, а четвертый разъ намъ попало, какъ слѣдуетъ. Когда мы полетѣли съ донесеніемъ, при возвращеніи назадъ насъ праклятые нѣмчуры разстрѣляли съ орудій и попали въ верхнюю плоскость аэроплана, причемъ мы спустились въ 70 шагахъ отъ немецкаго окопа и когда я выскочилъ изъ гондолы такъ нѣмцы стали насъ обстрѣливать, но я успѣлъ бѣжать, а товарища моего летчика убили. Я добѣжалъ до рѣки и только тогда услышалъ, что у меня нога болитъ; Когда я прибѣжалъ къ своимъ, тогда я узналъ, что я раненъ. А сейчасъ иду мстить проклятымъ немчурамъ и думаю, какъ бы добраться до Берлина и разгромить проклятому нѣмчуру заводъ Крушпа...

Затѣмъ позвольте мнѣ вамъ пожелать всего хорошаго въ жизни, до свиданія ваше высокоблагородіе, я навѣрно этого января начну проклятыхъ немчуровъ громить. Эхъ, проклятые, и дерутся, но и мы бабочекъ не ловимъ, но все таки придетъ время, что мы имъ голову сломаемъ и закричимъ «ура».

Семень Гонтарь.

Газета «Дальній Востокъ» 27 февраля 1915 г. (№ 54)

* * *

Бьемся день и ночь съ врагомъ, онъ тоже погоняетъ снарядами здорово, вотъ сейчасъ чуть нашу лачугу не разбилъ.

Нашъ полкъ сейчасъ въ большой славъ: ни разу не былъ сбить съ позиціи, а причинилъ непріятелю огромный уронъ. Прославилась на всю армію.

Изъ полка осталось 500 человекъ, а держали непріятеля, огромныя силы болѣе недѣли, за что тоже полкъ отличился; много такихъ случаевъ, всего не помѣстишь.

До свиданія. Горячо цѣлуемъ.

Ваши друзья Л. и Н.Т.

Жду отъ васъ гостинец. Насъ проклятыя насѣкомыя заѣли – нѣтъ спасенія, хуже нѣмцевъ въ 100 разъ.

Газета «Дальній Востокъ» 27 февраля 1915 г. (№ 54)

* * *

Здравствуй дорогой братъ В. Ты пишешь и спрашиваешь, что испытываешь въ бою и страшно ли? – Каждый человекъ, какими бы онъ нервами ни обладалъ, равно испытываетъ страхъ за свою жизнь, безусловно, чѣмъ больше находится человекъ въ опасности, тѣмъ хладнокровнѣе

ть сражений.

было выйти в тыл турецкой армии, другой — совершить более глубокое обходное движение и отбросить турками возможность отступления в Тауризу.

Обходное движение было вымощено боевыми действиями, и как только турки замышляли в тылу у себя наши части, из их рядов началось нечто неопределимое. Упорство и настойчивость скрывались паникой, командный состав потерял власть над своей армией, и она побжала, бросая орудия, запасы, поклаже атачки, даже ружья.

На поле битвы оказалось около 500 турецких трупов.

Турки бросались к Тауризу, где зарывали потрошки для себя укрепленную позицию, но наша вторая обходная колонна уже находилась у них в тылу.

Для турок стало ясно, что попытка отступить к Тауризу может привести к положению Саркаджина — впадине всей армии — и они стали отступать обходной дорогой к югу от Урмийского озера.

Вой полк Софиномэ решил судачить Тауризу.

В полдень, в субботу наши войска вступили в город.

Одновременно потерпел неудачу турки и в Хой. Обгромленный нашими войсками турецкий отряд отступил по двум направлениям: к Дьямалу и Котур.

Приамурцы на войну.

Письма из армии.

Привить вам, уважаемый Н. В. и Н. В.! Вот пишу вам с завоеванной территории. Мы добрались по железной дороге дограничной станции, а оттуда поехали на Л., или 5 дней, деревни часты, много населенны, постройки хороши, населены все русскими и поляками, отношение к нам очень хорошее. В Л. стоим в австрийских уланских казармах, до Л. сохранился, пострадали только при городе, поселки, где были поляки, курганы насыпаны над убитыми, нашими и австрийцами! Наши маленькие курганы, а австрийские громадные, точно горы. Мы выступаем 22-го в Карпатские горы, но в виду того, что Карпаты очищены от австрийских войск, идем в Твайские долины, к Венграм. Наш дивизион, прикомандированы к нам казачья дивизия, которая состоит из казачеств: черноморцев, осетин и дагестанцев. Вы не смущайтесь, если от меня не будет долго письма, но уйдем, как партизаны вперед, и может быть не будет возможности сдать письмо. Такую массу брать чуждым австрийцев, что ополчим все села и деревни. Пленных русских и поляков от-

пускали по домам, но Гаалин вся за нами. Только пленные должны изведать роль нашего командира, а вы К. и П. пленных совсем не берите, как только сдадутся, берите их оружие и снаряжение и отправляйте снова в аркадность добдальбы; это факт. Ой-ой! какое плачевное состояние австрийцев. Мороз в 12° на них так действует, что много померзло. Ну уважаемый К. В. пока до свидания. Пишите мне что-нибудь. И. Т.

От редакции.

Приведенные выдержки из писем представляют собою подлинные материалы.

Приносим благодарность лицам, доставившим эти письма, редакция просит лиц, ведущих переписку с действую. ой армией, направлять поступающие ими письма в нашу редакцию, хотя бы в выдержках, в виду значительного общественного интереса к таким документам.

Письма по личным надобностям будут возвращаться по указанному адресу.

ВОЙНЫ.

ИМЕЦЦИЯ ПОТЕРИ.

Чтобы судить о размерах потерь на войне, нужно читать не списки потерь (Verlustliste), а полноразмерные объявления, печатающиеся в некоторых берлинских газетах. В «Tagblatt» помещаются такие объявления от имени различных промышленных и торговых учреждений. Так, например, из номера от 31 января Дрезденский банк уведомляет, что из числа его служащих вновь убито на войне 20 человек (в том числе 7 служащих в берлинском отделении), дирекция «Deutscher Bank» уведомляет о гибели на полях битвы еще 17 ее служащих (12 человек из центрального отделения в Берлине), а бан. Дисенто Loebschaft сообщает, что за время с 10 ноября по 4 января убито 13 человек из числа его служащих.

Как сказано выше, эти сведения доподлинные. О предвзятых списках случалось видеть объявления от Deutscher Bank о смерти 60—70 человек. Как бы ни было велико число служащих в этих учреждениях, но такое количество убитых, следовательно, что процент потерь на полях сражений достигает размеров, превосходящих совершенно невероятные.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ ГЕРМАНЦЕВ.

Кроме Петрова и некоторых других занимаемых немцами городов Царства Польского, по получении доподлинных данных выведены для гарнизона пол. Ельни, впрочем, также есть основание предполо-

жить с вероятностью, упорством, но нам удалось одолеть врага. Остатки германских полков далеко откатились от наших позиций. Все скаты гор покрыты трупами германцев, ядро надвигавшимся на сибиряков. Перед нами лишь нашим батальоном, легко насчитывается свыше тысячи трупов. Нарядом с германскими усадьбами жидовских начальников и солдат необходимо отметить в этом бою и искусство руководство разрознившихся здесь старших начальников, нанесших поражение превосходящим силам германцев.

ПОДРОБНОСТИ БОВЕВ НА БЗУРЬ И РАВНЬ.

Согласно официальному немецкому сообщению Вильгельм присутствовал во время знаменитых боев на Бзурь и Равнь.

Бзурь и Равнь.

Немецкое сообщение констатирует чрезвычайное значение этих великих боев, которые во гигантских усилиях, пролитых с обеих сторон, можно отнести к самым значительным историческим битвам. Немецкое сообщение сравнивает эти бои с Бородиным боем. Срещаясь без перерыва день и всю ночь, немецкая густая колонна делала отчаянные атаки на русские позиции, героически защищаемые русскими войсками. После сражения убито трупами немецких войск. В некоторых местах горы трупами вышпили в котры. В местности, где происходили бои, были сосредоточены 10 немецких корпусов. Сотни батарей разрывали сильнейший и непрерывный огонь.

Мелочи войны.

ИМЕЦЦИЯ ОСТРОТЫ.

В «Sippenblätter» и других немецких сатирических изданиях находим следующие «клатчи».

— Император Вильгельм, принимая в аудиенции статс-секретаря почты и телеграфа Кретке, спросил его: «Где же, Кретке, ваша Желтая Кресть?» Кретке на это ответил, что он до сих пор Желтым Крестом награжден не был Император Вильгельм приказал возмущение: «Но я уже выслал вам Желтую Кресть по полевой почте месяц тому назад».

Шутка впечатана под заголовком: «Как работать наша полевая почта?»

— У входа в театр. — Касса повисла дном на спектакль. Немецкая рубль объявляет: «Сегодня на сцене выступит сам генерал-кис-

«Как, ты снова пришла? И вам не стыдно? Такой адской музыки, и сидит дома, вместо того, чтобы пойти в действующую армию».

Эх, немец, немец! Горьким слезом твоих воспоминаний.

ЗАВЛЕНИЕ ИМП. ВИЛЬГЕЛЬМА.

Имп. Вильгельм из беседы с баронессой Хрустальской повел: «Когда за границу говорить, что и искать за язык основание многого государства, то это чистейшие божья. Нас, немцев, называли варварами. Однако, я думаю, что, если культура выражается в высочайшем моральном чувстве, то никто не может этого похвалиться в такой мере, как мы, немцы».

Вам же благодарствуй, какой правдой дышит эти слова.

относится къ рвущимся снарядамъ и къ свистящимъ мимо ушей пулямъ. Расскажу про одинъ случай, который долго не могъ забыть. Наша сотня занимала сторожевыя охраненія, дабы не пропускать непріятельскіе развѣзды, дѣлали въ этомъ мѣстѣ развѣдку, чтобы узнать наши силы. Мы занимали деревню Г. отъ г. Л. въ верстѣ 9. Когда будешь читать газету, такъ прочитаешь про этотъ городъ, и скажешь, вотъ гдѣ былъ мой братъ. Но вернемся къ нашему разсказу. Такъ мы занимали Г. и стояли въ ней 5 сутокъ, дѣлая развѣдку и донося нашему отряду. Въ 6-тыя сутки дорвинулись¹ ближе къ непріятелю въ деревню Х. Въ Х. пріѣхали мы рано утромъ, слѣдовательно передыженіе² мы сдѣлали ночью верстѣ на девять. Когда пріѣхали въ деревню, то командиръ сотни моментально выставилъ отъ сотни посты и послалъ дозоры. Насъ осталось отъ сотни человекъ тридцать, командиръ сотни и хорунжій. Оба офицера ушли въ «халупу» – по нашему избу. Мы, казаки отъ нечего дѣлають сидѣли подлѣ коней. Вдругъ прибѣгаетъ съ поста казакъ и говоритъ, что въ деревню ѣдетъ германскій развѣздъ, 9 человекъ. Моментально мы вскочили и сдѣлали засаду. Офицеры наши ничего не знали, докладывать было некогда, нѣмцы были близко. Подпустили мы ихъ шаговъ на тридцать. Я увидѣлъ впереди развѣзда офицера, въ послѣдствіи мы узнали изъ вѣрныхъ источниковъ, что это былъ графъ – шурина императора Вильгельма, мы дали залпъ и люди точно не были на лошадяхъ. Подъ офицеромъ была ранена лошадь, въ него же не попала ни одна пуля. Онъ хотѣлъ соскочить, но нога была у него подъ лошадью. Я бросился впередъ влекомый какимъ-то чувствомъ: со мной побѣжало нѣсколько казаковъ. Офицеръ повернулъ ко мнѣ голову и въ глазахъ у него я читалъ мольбу и ужасъ. Я былъ отъ него въ пяти шагахъ съ винтовкою на перевѣсѣ. Вдругъ я услышалъ сзади голосъ нашего хорунжего: «Стой!» Я нерѣшительно остановился. – «Германскіе офицеры въ плѣнъ не сдаются» – говоритъ хорунжему и тотъ часъ сзади меня раздался выстрѣлъ. Германскій офицеръ какъ то безпомощно вскинулъ руки и быстро откинулся назадъ. Пуля попала ему ниже подбородка. Я подошелъ къ нему. Это былъ красивый юноша, лѣтъ 20. Смерть наступила моментально, лицо было какъ снѣгъ – ни одной кровинки не было на лицѣ, а за пять минутъ до этого передо мной сидѣлъ цвѣтущій человекъ, полный надежды на дальнѣйшую жизнь. Кавалеристы были убиты сразу, кромѣ одного раненнаго, которому нашъ фельдшеръ сдѣлалъ перевязку. Долго у меня передъ глазами былъ умоляющій взоръ офицера. Такъ вотъ какое впечатлѣніе въ первый разъ, пока не увидѣлъ больше раненныхъ и убитыхъ. Когда самому пришлось спасать свою жизнь, тогда другое, человекъ бьешь, какъ козу, даже ругаешь себя, когда не можешь сразу срѣзать первой пулей нѣмца. Отъ Н. навѣрное получилъ письмо, онъ навѣрное прописалъ, какъ мы были въ тылу и какъ вырвались оттуда.

Пиши.

Твой братъ *Осинъ*.

1915 года. Январь 13 дня.

Газета «Дальній Востокъ» 28 февраля 1915 г. (№ 55)

¹ Так в документе, должно быть: «продвинулись»

² Так в документе, должно быть: «передвижение»

* * *

29 ноября (отъ К. Θ. З-СКІЙ).

Здравствуй дорогой товарищъ И.А. увѣдомляю я тебя, что въ настоящее время нахожусь въ лазаретѣ въ г. Варшавѣ. Я 4 раза ходилъ въ атаку, а нѣмцы отъ насъ бѣгутъ, какъ собаки, а другой если не удираетъ, то броситъ свое и какъ животное оретъ. И я тогда нѣмцевъ 10 своимъ штыкомъ продѣлъ, но самъ слава Богу остался цѣлъ. Вотъ товарищъ какіе германцы чудаки; надѣлали себѣ интересные штыки, а русскій солдатъ этому радъ, онъ колетъ штыкомъ и бьетъ прикладомъ. Хотя у этихъ германцевъ большіе усы, но въ атаку идти большіе трусы. Какъ въ атаку бѣжать надо, они второпяхъ одѣваютъ штыки, а мы все время стрѣляемъ. А какъ въ атаку сойдемся, какъ на улицѣ, съ своими ребятами играемъ. Какъ наши бабы конопли щиплять, такъ германцы своими штыками рубаютъ, тутъ имъ некогда сердчатъ, они бросаются въ бѣгство, только штиблеты одни шкабарчатъ. Вотъ какъ въ атакѣ ихъ побѣдимъ, кромѣ окопа ихъ нигдѣ не увидишь. 20-го ноября меня ранили подъ Лозью въ правое плечо и въ большой палецъ правой руки: вотъ товарищъ хотя я былъ раненъ въ плечо, но и германцамъ было горячо, другая пуля попала, в большой палец, но все таки отступилъ германецъ. Меня какъ привезли въ лазаретъ, такъ у меня даже терпѣнія нѣтъ. Меня здѣсь перевязали аккуратно, и я хотѣлъ ѣхать обратно, но меня здѣсь задержали и говорятъ, что германцы отъ Л. убѣжали. Теперь раны мои стали заживать, такъ что 18 декабря обратно пойду германца добивать. Можетъ Богъ меня спасетъ и мы опять увидимся, дорогой товарищъ. Я сейчасъ привыкъ на войнѣ, такъ что ничего не страшно, даже радъ какъ подходить битва рукопашная. Шрапнели и пули такъ летятъ, даже въ письмѣ нельзя описать, какъ дождь из большой тучи, а нѣмцы хоть в окопахъ, но мы ихъ свалим на кучи...

Твой тоаврищъ К. Θ. З-СКІЙ.

Газета «Дальній Востокъ» 6 марта 1915 г. (№ 61)

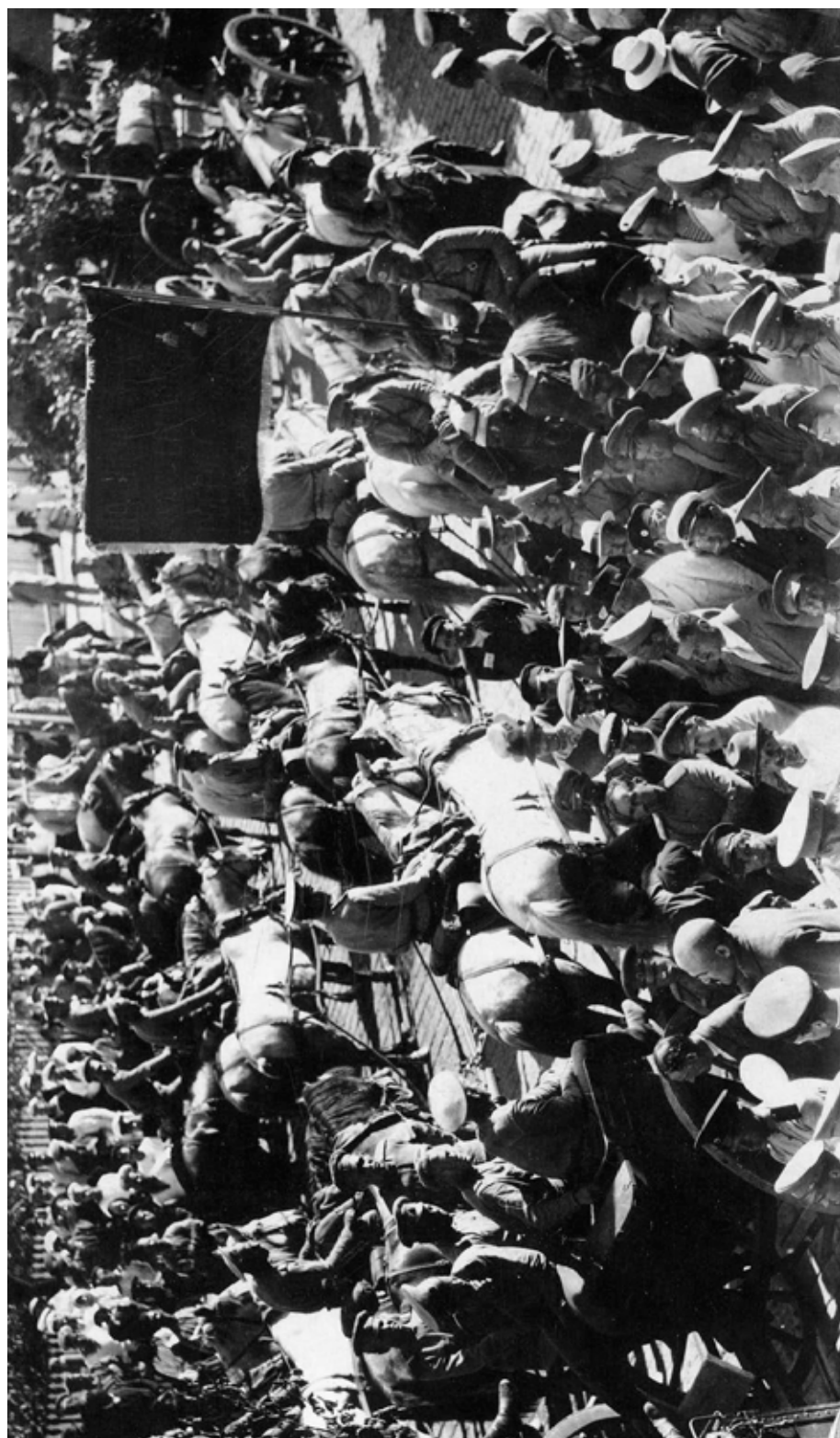

Фото 5. Отправка солдат из Владивостока, 1917 г.